

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Людмила Григорьевна Матюшко

Врач-кардиолог, доктор медицинских наук, ведущий специалист Национального института сердечно-сосудистой хирургии имени Н.М.Амосова.

Более двадцати лет работала с Николаем Михайловичем, прошла путь от операционной медсестры до врача-кардиолога.

Во-первых, он не просто врач, а еще и директор. Это был сильный человек, мог защитить и поругать, был честным. Вот прямота, честность, порядочность, помноженные на природную гениальность — это все Николай Амосов. Для него были все равны, что профессор, что врач, что медсестра или санитарка.

Часто вспоминают, что Николай Михайлович в операционной мог прикрикнуть, а то и обругать. На это я скажу так: это был крик боли, крик души, когда было кровотечение или когда он чувствовал, что больной может "уйти". Если Николай Михайлович повышал голос или был неправ, он умел просить прощения... Он знал поименно всех сотрудников, и не было человека, которого он не любил. Мне очень обидно, когда говорят, что он матерился. Да никогда! Он мог простыми словами обругать, а с матом он закончил еще на войне. Операционной сестрой была Лидия Васильевна, его жена, он заругался, был скандал, и после этого он зарекся материться... Если и был грубоватым, то на это были причины: например, в операционной мог бросить недостаточно качественный зажим, чтобы дали другой. Когда с ним работаешь рядом, этого крика не замечаешь, не чувствуешь себя оскорбленным. А как-то он мне сказал: ну и замучил я тебя, милая, — тогда у пациента было кровотечение, шла борьба за его жизнь. С Николаем Михайловичем работать было за честь. В операционной нас была команда — три бригады, он работал в первую, вторую и третью очередь, делал главный этап операции и переходил в следующую операционную, а работать приходилось и днем, и ночью. Например, такой случай: аневризм аорты (а это главный сосуд, и он мог разорваться, как бомба, в любое время!), зрители смотрят на нас через стеклянный купол. Так за 14 часов они устали, принесли матрацы и полусидя, полулежа следили за операцией. А в операционной совершенно не замечаешь времени...

После операции он был сникший, ни с кем не разговаривал, сидел на свой любимый стульчик и молча думал, анализировал. У него была большая чашка, которую подарили ему мы — операционные сестры, и он в своем кабинете пил чай. А потом опять шел в реанимацию, ждал, когда больной проснется, и только тогда мог уйти домой.

Каждую смерть он переживал как личную трагедию, и это чувствовали все — это была трагедия у него, у нас, у всего Института. Я не помню, чтобы при мне пациент умер на столе, но если это случалось после операции, на пятиминутках проводилось настоящее следствие: кто виноват, какие были анализы и так далее.

Был такой случай: он привез из Америки клапан и решил вшить его 10-летнему мальчику. И перед самой операцией этот клапан исчез со стола. Надо вшивать — а его нет. Я готова была провалиться, исчезнуть, я просто не представляла, что сейчас будет. Клинику подняли на ноги! Это судьба: пропажу не нашли, сохранили парню его клапан (протез ему вшили только через 10 лет), операция прошла чудесно, но как кричал Амосов — я передать не могу. Его, наверное, слышал весь Институт. Он был прав: фактически я потеряла клапан. Уже после операции Николай Михайлович сел на свой стульчик и говорит: "Люся, я тебе доверяю, проведи расследование и найди, кто виноват, и мы его накажем". И в этот момент я вижу клапан: его просто накрыли марлевыми шариками, когда я что-то готовила к операции. Беру клапан, подхожу: "Не надо расследования, виновата я..." "Тебе повезло, что операция прошла успешно", — абсолютно спокойным голосом говорит Амосов. Эту историю мы часто вспоминали. А парень, которого я случайно спасла от протеза, недавно, уже взрослым пациентом, попал в мою палату...

Когда Николай Михайлович уже сам был после операции, мы его навещали. Он очень подробно расспрашивал об операциях и говорил: когда я прохожу мимо операционной, боль разрывает, что я уже не могу туда пойти и оперировать. Он до конца оставался хирургом. Понимаете, в операционной по-своему течет время, совершенно другие отношения — это другой мир, где работать надо, понимая друг друга, и Николай Михайлович это особо ценил.

Николай Михайлович был человеком удивительной скромности. Ни от кого подарков не принимал. Только если что-то сделано своими руками — кто-то часы сделал, где скальпели — стрелки, они, кажется, в кабинете и сейчас висят. Даже цветов не брал. Накануне дня рождения всегда просил: передай всем, чтобы не тратили на подарки деньги, зарплаты и так небольшие. О розах говорил: "Они кусаются".

2011 г.

"Николай Амосов. Воспоминания современников"
Киев, Издательский дом "Личности", 2015